

ГИТИС

РАССКАЗ

ВЛАДИМИР МЕСНИН
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, почетный работник высшего профессионального образования, автор книг, учебников, множества научных статей по русской литературе.

Родился в городе Нондрово Налужской области, работал слесарем-ремонтником, учился в вечерней школе рабочей молодежи, служил в армии. Окончил филологическое отделение РУДН. Работал переводчиком английского и арабского языков в Иране, преподавал литературу в Налужском государственном педагогическом

институте имени Н.Э. Циолковского, преподавал, учился в аспирантуре, докторантуре на кафедре литературы в Московском государственном педагогическом институте, тогда имени В.И. Ленина, в настоящее время — МПГУ. Область особого интереса — словесность в контексте других видов искусства.

*Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

А. С. Пушкин

Курить в общаге не разрешалось, мест для потакания вредной привычке не было, поэтому курили везде. В сфере быта, в отличие от сферы мысли, времена тогда были либеральные. Гайд-парком курильщиков и просто праздношатающихся была кухня. Одну из ее стен украшал зев мусоропровода, амбре, исходившее из всегда поломанного люка, никого не смущало. Ближе к полуночи, перед отбоем, мы, студенты-первокурсники, возымали привычку собираться там поболтать основательно, как бы подводя итоги дня. Говорили о том о сем, чаще ни о чем, иногда спорили. Причем спорили не по поводу взглядов Кьеркегора или метафоры Пастернака, могли поспорить, скажем, о преимуществах «Жигулевского» перед другими марками пива. Иногда дискуссии носили более высокий характер, типа, «Спартак» или «Динамо»? Впрочем, о тексте и подтексте в фильмах Тарковского или в стихах Высоцкого тоже, бывало, дискутировали. Почему первокурсники? Потому что в нашем университете каждый курс жил на своем этаже. С первого летом ушел пятый, и в освободившиеся комнаты заселили нас, первокурсников. Я был тогда первокурсник.

Дело было в декабре. Смуту внес Федя. Вообще-то его имя было Андрей, но фамилия — Федяев — предопределила его именование в кругу «своих». Парень он был, не знаю, как сказать, элитарный, что ли. Федя не просто носил очки, он носил затемненные очки, играл на пианино, на лекции ходил непременно в тройке, галстук, а в общежитии шеголял в роскошном махровом халате в пол. Мы знали, что он дважды безуспешно штурмовал ГИТИС. Удивительно, в его демократизме, в равнодушно-добродушном отношении ко всем однокурсникам таилось какое-то снисхождение. Так вот, как-то на неделе этот самый Федя вихрем влетел в кухню и радостно-возбужденно объявил:

— Мужики, есть предложение. Нас пригласили на вечеринку, на подмосковную дачу. Девочки, скажу я вам, высший класс, высшего общества, будущие звезды театра и кино. — Федя звучно поцеловал сложенные щепоткой пальцы. — В субботу сбрасываемся и едем. С Ярославского вокзала — минут тридцать. Кто за?

В субботу, загруженные пакетами, свертками, мы вышли из электрички на заснеженный полустанок. Было достаточно морозно. На перроне нас ожидали две девушки, одна, помнится, в белой, другая в черной шубке, за ними следом мы и пошли гуськом по протоптанной пассажирами дорожке. Кажется, мы могли бы идти за ними

с закрытыми глазами, ориентируясь на запах, так густ был исходивший от них парфюм-шлейф. Духи девчонок были точно не из известных мне ароматов – не «Красная Москва», не «Кармен», не «Сирень». Если рай имеет запах, думалось мне, то это тот самый.

Мы шли между деревянными домами-дачами. Это были совсем не те скучные однотипные серые развалюхи с маленькими окнами, с покосившимися плетнями, которые я видел в деревнях своей родной калужской стороны. Каждый дом имел свое лицо, вполне довольное собой, свои резные наличники, свой затейливый масляной краской окрашенный забор. Киношным благополучием веяло от каждого строения. И вообще все вокруг было нереально красиво: и сумрачный дол, видневшийся в проемах между строениями, и синевато-зеленоватое небо, на котором возгорались первые звезды, и высоченные сосны, и снежная белизна в союзе с полной тишиной.

Строение, куда привели нас встречавшие, отличалось от соседних и размерами, и конструкцией. Собственно, это был уже не дом, а двухэтажный коттедж – с балконом, с убегающими вправо и влево от основного корпуса застекленными террасами. За ним виднелось хозяйственное строение, одна половина была собрана из бруса, другая, очевидно, гаражная, из силиконового кирпича, чуть в стороне стоял небольшой аккуратный домик с парой светящихся оконцев, и из его трубы вился дымок. Все строения соединяли выметенные, присыпанные песочком дорожки. От ворот до коттеджа было около ста метров. Территория освещалась парой фонарей прожекторного типа. На обширном высоком крыльце под ажурным навесом стояла девушка в накинутой на плечи дубленке. Она что-то громко втолковывала двум стоящим внизу мужикам в фуфайках. Судя по интонации, она была чем-то недовольна. Мы подошли и услышали назидательное окончание ее обращения:

– Все, Степан, папе не скажу, но пусть это будет в последний раз. Идите.

И, уже обращаясь к нам, заговорила приветливо-коклетливо:

– Привет, привет. Надо же, приехали! Не испугала ни дальняя дорога, ни возможные приключения в чужой-то стороне. Заходите, заходите, раздевайтесь.

Прихожая была просторная, на деревянной штанге было достаточно вешалок, так что десяток курток и пальто не пришлось складировать

кучей. Хозяйка указала на дверь комнаты, где можно вымыть руки, провела в гостиную. Стол был уже накрыт. В глубине внушительных размеров помещения, у стеллажей, как потом оказалось, с большой коллекцией альбомов художественных репродукций, у музыкального центра с двумя клубными динамиками стояли и сидели девочки, человек десять-двенадцать. Момент неловкой тишины после того, как мы вошли, уместно нарушил игривый голос хозяйки. Сказанное ею с понижающейся интонацией явно не было экспромтом:

– Ну что, дамы и господа, знакомимся до стола? Или за столом? Или под столом? Или есть другие предложения? Ладно, садимся, и каждый рекламирует себя сам, дамы начинают и выигрывают.

Сели за стол, девочки по очереди назвали свои имена. Все они были первокурсницами, большинство из Института иностранных языков, но были среди них и студентки театральных вузов. Как позже выяснилось, они познакомились, будучи абитуриентками театрального вуза, не поступившие пошли в иняз. Хозяйка училась в ГИТИСе, свое имя Алиса она произнесла на английский манер: Элис. Все девочки были хороши, как на подбор, как я мог предположить, дорого и со вкусом одеты. Но ярче всех была Элис. Черты ее лица были безукоризненны: прямой нос, пухлые губы, белоснежная улыбка, большие серые глаза и роскошные, чуть вьющиеся смоляные волосы. Одежда подчеркивала все ее, во всех смыслах, выдающиеся женские достоинства. Боже, как хороша, запело во мне.

Стол был богато заставлен разного рода закусками, нарезками, золотились мандарины, зеленели яблоки. Бананы, догадался я, впервые в жизни увидев здесь этот заморский фрукт. Было много бутылок с разными напитками, винными и другими. В купленных нами в складчину портвейнах, колбасах, сырах, прочей снеди необходимости точно не было.

Какое-то время за столом ощущалась скованность, периодически нависала тишина. Не очень-то помогали и дежурные скороговоркой сказанные тосты: за знакомство, за встречу, за все хорошее. Дело, понятно, исправила музыка. Элис, будто что-то вспомнив, резко поднялась:

– Ну, народ, жду музыкальные заказы.

– А что есть? – спросил кто-то из наших.

– Все! – гордо парировала хозяйка.

Посыпались предложения: «Абба», «Арабески», «Бони М», «Крылья». Я хотел было патриотично

предложить «Поющие гитары» или «Синюю птицу», но, как скоро понял, вовремя одумался, промолчал. Громкая музыка, выпитое вино постепенно делали свое дело, завязались разговоры, начались переглядывания, послышался смех.

– Танцуют все! – прокричал кто-то запомнившую фразу из только что прогремевшей гайдаевской комедии.

Народ из-за стола решительно выдернула ритмичная «Абба». Композиция следовала за композицией, танцевали нон-стоп, одни смелые пары подходили к столу, чтобы закрепить знакомство, выпив на брудершафт, другие – чтобы утолить жажду. Пиджаки уныло повисли на спинках стульев. Музыка гремела, градус веселья повышался и повышался.

Лично мне было не совсем комфортно на этом празднике жизни. Ах, как мне хотелось танцевать, как мне хотелось пригласить Элис, коснуться ее рукой, но – это было не для меня. Дело было вот в чем. Лишь в июне я демобилизовался из армии, в августе, как сам считал, чудом поступил в университет. Впрочем, чудом ли? Служить пришлось в Заполярье, в краю, как пишут газетчики, белого безмолвия, два года был вдаль от всех гражданских утех. Но нет худа без добра. Чтобы не одичать, не завять, все свободные часы я готовился к поступлению в вуз – и поступил. Мои родители-пенсионеры могли за меня порадоваться, но при всем желании не имели возможности оказать мне и минимальной материальной поддержки. На мне были пошитые до армии, вышедшие из моды брюки клеш, такие же давно не модные остроносые туфли и весьма потертый кардиган. Многие однокурсники шеголяли если не в джинсах, то в правильных брюках, в модных клетчатых пиджаках, а некоторые и в кожаных. За столом мое убожество могло не бросаться в глаза, но выйти в круг – нет, это было немислимо. Впрочем, никто, кажется, и не ждал моего приглашения. Я улыбался, но мне было грустно, был вроде как не в своей тарелке, моя же была еще там, где не было пиджачно-брючного неравенства. Удивляясь реальности происходящего, я поводил головой влево-вправо, вправо-влево. Потом встал и, тихо ступая, прошел вдоль стены к стеллажам, сам не зная зачем. Взял какой-то альбом, стал бесцельно листать.

Неожиданно сквозь звуки музыки откуда-то из-за стеллажей до меня стали доноситься голоса разговора явно на повышенных тонах. Как оказалось, эти стеллажи делили пространство гостиной на две части. Разобрать можно было от-

дельные слова, но не суть очевидной ссоры. Опасаясь, что меня уличат в подслушивании, я спешно ретировался к столу. Через какое-то время из-за темноты стеллажей вышла Элис, немного позже – Федя. Приглядевшись, можно было понять, что оба они выглядят хмурыми, явно чем-то недовольными. Но не думаю, что, кроме меня, кто-то заметил случившуюся разборку.

Праздник катил своим чередом, праздник удался. Было уже за полночь, когда Элис объявила, что до последней электрички остается чуть более получаса. В ответ послышалось драматичное «уууууууууу», и она в шутку или всерьез предложила желающим остаться. Немного погодя гости уже сформировавшимися парами потянулись в прихожую одеваться. Облачилась в дубленку и хозяйка. Толпа вывалила в темную морозную ночь, под навес крыльца, освещенного фонарями-прожекторами и светом из окон. На небе во множестве сияли не видимые в городе звезды, покой нарушало лишь отдаленное то хоровое, то сольное лаянье собак. Все стояли молча, запрокинув головы в небо, еще разгоряченные танцами, вдыхая свежий морозный воздух. «Все небо усыпано весело мигающими звездами, – приятный девичий голос озвучил строчки из Чехова, – и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...» Голос другой девушки продолжил в той же тональности строчками из Гоголя: «Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучей по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле...» Наверное, не только мне хотелось вот так стоять здесь, смотреть в звездное небо и слушать, слушать, слушать это очень соответствующее моменту чтение.

В домике на другом конце участка громко хлопнула дверь, оттуда быстрыми шагами к крыльцу коттеджа подошла женщина средних лет. Ее окликнула Элис:

– Марьяша, я уезжаю, не знаю, приеду ли завтра, мама, папа где-то к вечеру точно будут. Ты приберись там.

В электричке было весело и шумно. Одни пары сидели, довольствуясь скрещением рук, другие неистово целовались в тамбуре. Я же сидел в одиночестве, украдкой наблюдая за Элис. Боже, как она мне нравилась. Нравилась... Бесцветное слово. Я был влюблен, влюблен без памяти, и при этом не смел поднять на нее глаз. Мне казалось, она сразу все поймет и будет смеяться надо мной. Федя и Элис сидели напротив, но, по моим

скрытым наблюдениям, совсем не разговаривали и даже, перефразируя известные строки, не соприкасались рукавами.

Из электрички мы высыпали на привокзальную площадь. Для каждой дамы нашелся провожающий. Шумно прощаясь, пары удалялись одна за одной. Я, единственный кавалер без дамы, будто чего-то ждал, не уходил, понимал, что выгляжу смешно, но не мог заставить себя оторваться от нее. И вот нас уже осталось человек пять. Вдруг достаточно громко Элис сказала, обращаясь к Феде:

– А ты меня не провожай. Меня... – Она посмотрела по сторонам и, будто случайно, вдруг меня заметив, капризно заключила: – Вот он меня проводит.

Я не сразу понял, что «он» – это я. Но Элис решительно взяла меня под руку и повела прочь в сторону стоянки такси. Я был в каком-то заторможенном состоянии, кажется, ей пришлось немного тянуть меня, вероятно, девушка думала, что я пьян. Она сама открыла дверцу машины, назвала адрес. На вздохе пронзило: достаточно ли у меня денег, чтобы заплатить таксисту? Выдохнул: должно хватить. Я благодарил небеса, что как-то сами собой находились темы для разговора. Она что-то спрашивала, кажется, не интересуясь ответами. Дорога была недолгой, мы подъехали к светящемуся подъезду высотного дома, вышли из машины. Я сунул водителю все деньги, которые у меня были, уверенный, что достаточно. Расстаемся, расстаемся навсегда, уколола мысль, и волна вселенской тоски накрыла меня с головой. Элис виделась мне существом горним, при этом казалось, красавица читает мои мысли, и от этого было особенно неуютно. Вдруг она внимательно посмотрела на меня и медленно, как бы в раздумье, произнесла:

– А хочешь подняться, кофе выпьем?

Я шел за ней сомнамбулой. За парадной дверью из служебной комнаты нам навстречу вышел высокий подтянутый мужчина, его строгий темный костюм дополнял такой же темный галстук, узнав вошедшую и взглядом сфотографировав меня, удалился. Мы поднялись на ее этаж, на выходе из лифта нас встретил второй охранник, точная копия первого, процедура опознания и фотографирования повторилась.

Ее квартира напоминала выставочный зал, музей или что-то некогда увиденное в каком-то зарубежном фильме. Я и представить не мог, что такое величие существует на обычной московской улице, в обычном на вид высотном доме.

Мебель была каких-то невероятно больших размеров, волнообразная по фасаду, в креслах могли запросто поместиться два человека средней упитанности, зеркала тонули в массиве бронзовых рам. Полки книг упирались в расписные потолки. На свободном пространстве стен были густо развешены причудливые маски, луки, стрелы, копья, кинжалы, картины. Все вокруг сияло и блестело. Впрочем, осознание величия пришло потом. Я с замиранием сердца смотрел на красавицу, хотел насмотреться на нее впрод, впрод, впрод.

Элис выкатила маленький никелированный столик, поставила на него какую-то красивую бутылку, поломала плитку шоколада. Посмотрела на меня:

– Что выпьем? Сладкое? Крепкое? Вино? Может, виски?

Мне хотелось попробовать виски, напиток, о котором я только читал, но, скромничая, попросил вина. На столик Элис положила пачку «Мальборо». Это было не так удивительно, эти сигареты я уже пробовал. Но нечто удивительное бытовое мне еще пришлось пережить. Посетовав, что стало душновато, она потянулась с кресла к подлокотнику дивана, что-то там нажала – и стеклянные двери балкона раздвинулись. Я выдержал, виду не показал, но эта механика меня чрезвычайно впечатлила. Однако настоящий шок был еще впереди. Мы говорили о вечеринке, о друзьях, об учебе, о кино, перепрыгивая с темы на тему.

Я не хотел уходить, но знал, что пора, и отчаянно думал, как сделать это изящно. Мне невероятно хотелось ее поцеловать, хотелось до дрожи, до онемения, но осознавал: нет, это невозможно. Наконец решил, что, прощаясь, я поцелую ее руку, это решение меня немного успокоило. И тут грянул гром. Элис немного потянулась и очень обыденно сказала:

– Ну что, пойдём спать?

Мир перевернулся, сомнамбулу, кажется, еще и парализовало. Я онемел, застыл, тупо глядя на какой-то вензель на ковре, потом невероятным усилием повернул голову, посмотрел на нее. Не знаю, что она прочитала в моем взгляде, но дружески положила руку мне на колено, улыбнулась и заговорщицки прошептала:

– Ну что ты, не дрейфь, все будет хорошо. Иди, твое полотенце – которое оранжевое.

Удивительно, но все действительно было хорошо. Не сразу, но моя оторопь постепенно отступила. В кровати мы курили, пили вино. Я даже рассказал какой-то анекдот. Элис завершила меня,

что я понравился ей сразу, что она здесь со мной совсем не потому, что поссорилась с Федей, и не потому, что решила ему отомстить. И, апофеоз, она сама предложила встретить Новый год вместе, вдвоем, на даче. Сказала, что родители в это время будут где-то за границей. Под утро она как-то серьезно посмотрела на меня, потом спросила, опустив голову:

– Скажи, скажи честно, я буду знаменитой актрисой?

Надо ли говорить, что я с жаром уверил Элис, что ее ждет слава и в театре, и в кино. Я говорил искренно, уверенный, что такая красота не может не ужиться со славой.

Утром мы действительно пили кофе, ели бутерброды с сыром. Элис была нежна и внимательна, как и ночью. А меня волновал один вопрос: мы действительно еще встретимся? Я собирался с духом, чтобы спросить ее об этом, и если «да», попросить телефон. В конце концов она, кажется, поняла, что меня мучит, взяла бумажку с журнального столика, карандаш. Я выдохнул, наблюдал. Элис написала первые три цифры, стрельнула в меня колдовским взглядом и дописала оставшиеся четыре цифры. Я только что не поцеловал эту бумажку. У порога мы обнялись, у лифта поймал ее сдуваемые с ладони воздушные поцелуи.

Я вышел из подъезда, оглянулся. Рядом с «моим» домом стоял еще один такой же высокий красивый кирпичный дом. В душе, да что в душе, в каждой клеточке моего тела все пело: «Божественная, божественная, влюблен, влюблен, любим, любим». Дворник окликнул меня, попросил закурить. Сигарет у меня не было, а я почему-то спросил его, что это за дома такие красивые. Мужик немного задумался, хитровато улыбнулся, ответил:

– Красивые, говоришь? А какими им еще быть?

Чай, слуги народа живут. Пусть народ плохо живет, главное, чтобы слуги жили хорошо. Совета министров это дома.

Прошел день, другой. Меня терзали сомнения: когда, когда, через сколько дней прилично позвонить. Решил, что на третий, мол, Бог троицу любит. С замиранием сердца набрал семь заветных цифр, дождался ответа:

– Слушаем вас, вахта-проходная ГИТИС...

Подумав, что ошибся, я набрал номер еще раз и еще раз. Ответ был тот же. Промучившись сутки, я снова позвонил, мне снова ответили:

– Слушаем вас, вахта-проходная ГИТИС...

Москва, 2021 год